

...В песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

ИСТОРИЯ ПОДВИГА

Был раз, когда снаряд достиг цели, подался из земли, огонь короткая, стоявшая на столе, подождала, точно хотел оторваться от своего основания.

Мы с командиром второго батальона Василием Калмыковым лежали на парах. Брента, служившие потопом, были уложены пополам, связки пелен сыпавшихся земли. Мы укрывались плащ-палатками. В землянке у коптилки сидели шесть человек из пятой роты. До того как принять батальон, Калмыков командовал этой ротой. Он хорошо знал этих людей.

Крайним сидел Лавриненко. — Грамотный и толковый человек. По задумке очень. Не в меру задумчив. На стрельбище совсем с ним замучился — ни одного попадания. Все патроны — в белый свет, как в копеечку. А Матюшин ввязался за него и довел. Стрелком неплохим оказался.

Да и не только со стрельбой. — вспоминал Калмыков, — вообще у Лавриненко никакого вида не было. Пришел в батальон: шинель жеваная какало-то, горбом, а за спиной мешок в три пуда. «Что это у вас?» — спрашиваю. «Яичные лепешки», — говорит.

На каждом призыве Лавриненко сидел у своего мешка и перебрал вещь, может быть дорожное, но в походе совершенно ненужные и обременительные. После каждой такой переборки мешок заметнее худел. И только один раз Лавриненко увеличил вес своего мешка. Направляясь к месту боя, батальон проходил брошенным разбитым полем. Какую-то посылку бросили вразрезе самолета. В разбитом доме подобрал Лавриненко книжку.

Сколько всего было в этой книжке с обгорелым переплетом? Может быть, правдивых чужестранцев, пьют. Вес небольшой.

Но в походах, когда каждый шаг давался с трудом и один грамм кажется большим грузом, Лавриненко бросил по пути вещь, еще уложенные заботливыми руками матери. А эту книжку он обязательно укладывал на самое дно мешка.

Смена от Лавриненко сидела Чапирин и Черобай.

У Чапирова была слава ловкого разведчика, он был известен своей храбростью. Черобай был ротным агитатором. Один раз Калмыков застал его за странным занятием: большим ножом Черобай зачищал кору на толстой сосне.

— Что вы делаете, Черобай? — спросил Калмыков.

— Лесную газету думаю устроить.

В батальоне не было бумаги для стеновой газеты. И Черобай приспособил основательную от коры поверхность древесных стволов. Чернышным карандашом писал он на деревьях карточки стихов, лозунги. На толстой сосне Черобай написал: «Боец! Знаешь ли ты, кто такой Матвей Фатеев? Если не знаешь, спроси у товарища!»

Матвей Фатеев был связистом. В бою под жестоким огнем он обеспечивал связь. Раненный, он пришел к командиру и сказал:

— Связь установлена. Я ранен. Дайте сыну.

И умер через три минуты...

Усталый Калмыков задремал.

Тогда Чапирин сказал негромко:

— Уснули они! Давай, Лавриненко.

Лавриненко вынул книжку и продолжал прерванное напиком чтение: «Вот, косяк, какие люди бывают! Видишь, он тебе в очи и подкинул твою душу, и шипит тебе это не стыдно, а еще и гордо для тебя. С таким человеком ты и сам лучше становишься. Мало, друг, таких людей! Ну, так и знаю, коли мало. Много хорошего было бы на свете, так его и за хорошее не считали бы. Так-то!»

Он читал, как влиятельный ветер разносил музыку набегавшей на берег моря волны, как пела красавица Нонка, дочь Макара Чудры. А за дурью земляники шла предвечная ночь. В такте ночи, по весне,

летят птицы стал, их крики, шорох крыльев наполняют сердце тревогой и волнением. Но птичьим стаем еще рано. Во многих направлениях темнота чертит разрозненные линии трагических путей. Валетает ракета, и тогда на какую-то долю времени возникает из мрака страшный, изуродованный лес. Ветер здесь не качает веткой и гибкой вершиной — все иссечено, стоит на земле только черные расщепленные стволы. С вечера притаились к землянке бегуны, хотели разорвать ее на дрова и сломали у палы три зуба; ствол бегуны был буквально напичкан осколками снарядов.

Вид только зред замысел большой операции. Батальон Калмыкова и его соседи сидели в окопах, землянках, блиндажах, выследили заходящегося в землю врага. Но по ночам уже шли к фронту танки, пушки, автомобили со снарядами, со всем разнообразным и сложным хозяйством войны. Калмыков отходил в землянке пятой роты, а в его блиндаже уже сидел гость артиллерист, чья батарея располагалась по соседству.

Обо всем этом нужно было молчать. Это было еще накануне. На следующий день батальон получил боевую задачу.

К бою готовились тщательно, хотели все предусмотреть. Калмыков собрал командирский рот, вспомнил с ними обо всем замеченном в дни обороны: где у врага огневые точки, как пойдут, где ударить. Уже трело солнце и подтаивала мерзлая земля. Край тропы были скользкими; в них протоптали вырубленные ступеньки, чтобы сразу разнаться вперед.

В бой пошли, оставив в траншеях вешние мешки с хитрым своим изумлением. Черобай и шестая рота сразу противники за осинник, выбрались немцы из их окопов и блиндажей. А пятой рота встретила бешеное сопротивление. Уже забросали гапатами четыре блиндажа, но откуда-то слева, из кустарника, хлынула вдруг пулеметная очередь — загрохотала огневая точка, до сих пор неизвестная.

Оторвал Черобай кусок жидкой бумаги, в которую были завернуты патроны, и торжественно написал: «Наши соседи прошли вперед! А мы что же?» И пошла эта бумажка от бойца к бойцу.

Потрясающе было рота и снова залегла, но вылезла очка.

— Разрешите мне? — крикнул командир роты Лавриненко.

Не дожидаясь ответа, ползком он к кустарнику, откуда был вражеский пулемет. У самой амбразуры припалоса Лавриненко и своим телом закрыл отверстие. Пулемет замолк. Рота потянулась и бросилась вперед.

Мешок Лавриненко принесли к командиру батальона. Там была пара белых, несколько сухарей, патроны, табак и книжка в обгорелом переплете.

— Товарищи просили, — сказал снайпер Бухинбаев, лесник из Башкирии: — нельзя ли книжку оставить в роте?

Несколько мест в книжке были подчеркнуты.

«...он любил подвиги. А тогда человек любит подвиги, он всегда уместит их сделать и найдёт, где это можно. В жизни, забывши ты, всегда есть место подвигам. И те, которые не находят их для себя, — те просто лентяи или трусы, или не понимают жизни...»

«...Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко. — Я слышу похвалу!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!..»

«...О, если б в небо хоть раз подняться!.. Враг прижал бы я... к ранам груди... захлебнулся б мой ок кровью!..»

Командир батальона вернул книжку в роту. А Черобай на нескольких соснах у дороги написал:

«Помни о Лавриненко».

По дороге шли войска. Это было наказание нашего большого наступления.

Ник. МАРКЕВИЧ.

Вместе с первыми произведениями Максима Горького в русскую литературу вошел образ пламенного борца и бунтаря. Горький выступил как великий певец молодости, силы и смелости. Все его творчество проникнуто жизнеутверждающим стремлением к борьбе, жаждой подвига — от гордого Буревестника, реющего над морем, до памятного призыва к молодежи: «Вперед и выше, комсомолцы!»

В парусах горьковского творчества отразился боевой дух народа, подвизавшегося на борьбу за свой освобождение. Недаром еще в 1906 году В. И. Ленин, говоря о нарастающей новой революционной волне, обратился к образу Буревестника. В статье, озаглавленной «Перед бурей», Ленин писал, что народ «готовится к борьбе, дружно и бодро идет навстречу буре, рабства в самую гущу битвы». Обличая нерешительность и неумение в успех грядущей великой схватки, Ленин упоминал о «глухих минутах», которые «пробки прачут тело жирное в утесах». Великий вождь революции заканчивал статью горьковским призывом:

«Пусть сильнее грянет буря!»

Мы печатаем ниже отрывок из «Песни о Соколе» Горького. Почти пятьдесят лет назад, в марте 1895 года, впервые появился в печати это вдохновенное произведение. Но не маркнет сила горьковского таланта. В суровые дни войны песни о храбром Соколе с новой силой зовут нас на битву, увлекают на подвиги. Молодой воин с гордостью повторит прекрасные горьковские слова:

«Безумству храбрых поём мы славу!»

Высоко в горы вполз Уж и лег там в сырном ущельи, свернувшись в узел и глядя в море.

Высоко в небе сияло солнце, а горы зном дышали в небо, и блились волны внизу о камни...

А по ущелью, во тьме и брызгах, поток стремился навстречу морю, гремя камнями... Весь в белой пене, седой и сильной, он резал гору и падал в море, серпиг во.

Вдур в то ущелье, где Уж свернулся, пал с неба Сокол с разбитой грудью, в крови на перьях...

С коротким криком он пал на землю и бился грудью в бессильном гневе о твердые камни...

Уж испугался, отполз повротно, но скоро понял, что жизни птицы две-три минуты...

Подполз он ближе к разбитой птице и припнулся к ней прямо в очи:

— Что, умираешь?

— Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко. — Я слышу похвалу!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо!.. Ты не увидишь его так близко!.. Ох, ты, бедняга!..

— Ну, что же? — небыло мстество... Как мне так познать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!

Так Уж ответил свободной птице и усмехнулся в душе над нею за эти бредни.

И так подумал: «Летай иль ползай, конец известен: все в землю лягут, всё прахом будет...»

Но Сокол смелый вдруг встепнулся, привстал немного и по ущелью полёв очка.

Сквозь серый камень вода сочилась, и было душно в ущельи тёмном и пахло гнилью.

И крикнул Сокол с тоской и болью, собрав все силы:

— О, если б в небо хоть раз подняться!.. Враг прижал бы я... к ранам груди!.. захлебнулся б мой ок кровью!.. О, счастье битвы!..

Уж подумал: «должно быть, в небе и в самом деле пожить приятно, коль он так стонет!..»

И предложил он свободной птице: — «А ты подвинься к краю ущелья и вниз бросайся».

Быть может, крылья тебя поднимут и поживешь ещё немного в твоей стихии.

И дрогнул Сокол и, гордо крикнув, пошёл к обрыву, скользя когтиами до слези камня.

И подошёл он, расправил крылья, вздохнул всей грудью, сверкнул очами и — вниз скатился.

И сам, как камень, скользя по скалам,

он быстро падал, ломая крылья, теряя перья.

Волна потока его схватила и, кровью омывши, одела в пену, учала в море.

А волны моря с печальным рёвом о камни билась!.. И группа птицы не видя было в морском пространстве...

В ущельи лёжа, Уж долго думал о смерти птицы, о страсти к небу.

И вот взглянул он в ту даль, что вечно ласкает очи мечтой о счастье.

— А что он видел, умерший Сокол, в пустыне этой без дна и края? Зачем такие, как он, умерши, смущают душу своей любовью к полётам в небо? Что им там ясно? А ведь мог бы узнать всё это, взлетевши в небо, хоть не надолго.

Сказал и — сделал. В кольцо свернувшись, он приуил в воздух и узкой лентой блеснул на солнце.

Рождённый ползать — летать не может!.. Забыл об этом, он пал на камни, но не убавил, а рассмеялся...

— Так вот в чём прелесть полётов в небо! Она — в падении!.. Смешные птицы! Не зная, на ней тоскуя, они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной. Там только пусто. Там много света, но нет там пищи и нет омыры живому телу. Зачем же гордость? Зачем укоро? Затем, чтоб ей прикрыть безумство своих желаний и скрыть за ними свое негодность для дела жизни? Смешные птицы!.. Но не обманут теперь уж больше меня их речи! Я сам всё знаю! Я — видел небо!.. Взлетел в него я, его измерил, познал паденье, но не разбился, а только крепче в себя я верю. Пусть же, что землю любить не могут, живут обманом. Я знаю правду. И их призывам я не поверю. Земли творенье — землей живу я.

И он свернулся в клубок на камне, гордаясь собою.

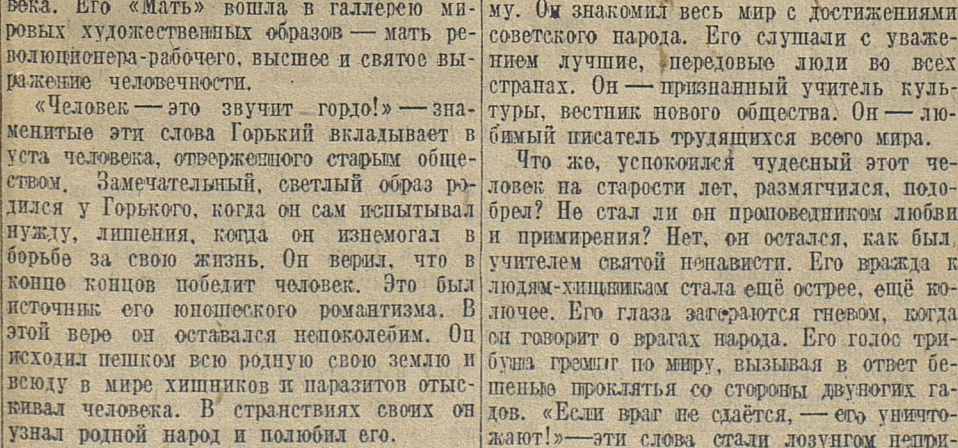
Быстро море всё в ярком свете, и грозно волны о берег бились.

В их ливном рёве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни:

«Безумству храбрых поём мы славу! Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О, смелый Сокол! В бою с врагами истёк ты кровью!.. Но будет время — и капли крови твоей горячий, как искры, вспыхнут во мраке жизни, и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!»

Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

Безумству храбрых поём мы песню!..»

А. М. ГОРЬКИЙ с летчиками

борьбе рабочего класса он видел великое культурное движение. Он знал, как борьба за правое дело ошмат, переживает человека. Его «Мать» вошла в галерею мировых художественных образов — мать революционного рабочего, высшее и святое выражение человечности.

«Человек — это звучит гордо!» — знаменитые эти слова Горький вкладывает в уста человека, отверженного старым обществом. Замечательный, светлый образ родился у Горького, когда он сам испытывал нужду, лишения, когда он изнемогал в борьбе за свою жизнь. Он верил, что в конце концов победит человек. Это был источник его оптимистического романтизма. В этой вере он оставался непоколебим. Он лежал пешком всю родную свою землю и вводу в мире хищников и паразитов отыскал человека. В странствиях своих он узнал родной род и любил его.

Горький копил великое счастье. Он увидел, как после победы рабочего класса, после победы большевиков стали осуществляться его мечты, как в Советской стране человек стал искоренять всё звериное. Горький принимал самое деятельное участие в переустройстве жизни на новых началах. Своей областью труда он избрал культуру в самом широком смысле слова. Он писал неустанно о культуре, заботился о людях науки, по его инициативе рождались многие культурные начинания.

Горький часто выступал в эти годы на собраниях, встречался с молодежью, с писателями. Его глаза любовно оглядывали всю страну. Несмотря на болезнь, он много путешествовал, часто посещал новостройки, знакомился с замечательными мастерами. Он умел радоваться всему новому. Он знакомил весь мир с достижениями советского народа. Его слушали с уважением, лучшие люди во всех странах.

Он — признанный учитель культуры, вестник нового общества. Он — любимый писатель трудящихся всего мира. Что же, успокоился чудесный этот человек на старости лет, разлагаясь, подолбел? Не стал ли он проповедником любви и примирения? Нет, он остался, как был, учителем святой ненависти. Его вражда к людям-хищникам стала ещё острее, ещё колючее. Его глаза загорались гневом, когда он говорил о врагах народа. Его голос трибуны гремел по миру, вызывая в ответ бешеные проклятия со стороны двуличных врагов. «Если враг не сдается, — его уничтожают!» — эти слова стали лозунгом непримиримой борьбы с хищниками.

Всё то звериное, что ненавидел Горький с дней своей юности, против чего боролся, облекается в форму фашизма. Горький видит опасность, которая угрожает родной стране, всей мировой культуре. Он бичует и клеймит фашистов, их покровителей, их пособников. В пьесе «Сомов и другие», которая увидела свет после смерти Горького, Людья спрашивает: «Скажи мне — в двух словах — что такое фашизм?» Ей отвечает: «Фашисты — мелкие звери, которым хочется быть крупными...» Горький с тревогой наблюдал рост фашизма в Европе. Он призывал к бдительности, к тревоге передовое человечество. Вокруг него сгущалась не-

ОРУЖИЕ НЕПОБЕДИМОЙ ПРАВДЫ

Однажды, — это было около десяти лет назад, — Горький встретил мальчика, который прочел ему свои стихи о Гитлере и Гоббелсе. Великий писатель был поражен искренностью и силой чувства, вложенного в эти стихи. «Прекрасно и радостно неожиданно», — была ненависть ребёнка к злодеям и злодеизмам, писал Горький.

Лидо мальчика «разгорелось густым румянцем и ярко сверкали темные глаза — уже на глаза мальчика девяти лет, а взрослого человека, который наполнял каждое слово своей гордостью и влияющей силой той именно человеческой ненависти, которая может быть вызвана только глубочайшей любовью к людям труда, к людям, порабающим под властью мерзавцев и убийц...»

В стихах юного советского гражданина Горький услышал, по его словам, непосредственное выражение «ненависти, воинственности за любовь». Вот почему возмущались великого художника-гуманиста эти детские стихи. Всё его творчество от первой до последней строки было согрето любовью к человеку. Вся жизнь Горький писал это гордое слово с большой буквы. Но с первых шагов своих он увидел, что свободное творческое развитие человека скрывало тяжкими путями в мире зла и насилия. И гимн свободе, разуму, человечности, который лился со страниц горьковских книг, превращался в страстное проклятие рабству, косности, насилию.

Послевоенный из могучей плеяды художников XIX века, нашему современнику Горькому довелось дожить до первых дней расцвета фашистского варварства. Он увидел такие злодеяния и преступления, перед которыми поблелело и отступило всё зло мира, накопленное прошлой историей. И всей мощью своего ума и таланта Горький восстал против гитлеровского мрака и отчаяния.

Перечитывая сегодня горьковскую публицистику, мы видим перед собой живой образ писателя-бойца, который стоит в первой шеренге защитников нашей Родины от хищных посястельств немецких захватчиков. Небольшой сборник «Горький против фашизма», вышедший недавно в свет*, хотя в нём и далеко не полно представлены выступления писателя против гитлеризма, даёт всё же яркую картину.

*) «Горький против фашизма» (из статей, речей и писем А. М. Горького. «Советский писатель». 1942 г., стр. 56. II. 1 р.).

Условные сигналы, ежедневно меняющиеся в частях на фронте, имеют свою быструю историю. На этот раз дело началось с того, что генерал, разговаривая по телефону с потугиным командиром, произнес фразу: «Если враг не сдается — его уничтожают».

Сказал он это в связи с отказом немецкого гарнизона, окружённого в Великих Луках, капитулировать.

Наутро горьковские слова были уже условным сигналом, и они означали: пехоте — приготовиться к атаке, артиллерии — дать огневой залп.

Минувшая последняя, самые тугичие минуты ожидания, и командир дивизии произнёс слова, которых ждали все, и полетели эти крылатые слова из блиндажей в землянки, из землянок в окопы. Телефонисты на наблюдательных пунктах, прачасы от грохота своей артиллерии по земные перекрытия, кричали охристыми голосами:

— Тринадцатый! Тринадцатый! Если враг не сдается — его уничтожают.

И радисты-коротковолновники вторили им: — Ростов! Ростов! Я — Волга, я — Волга. Если враг не сдается — его уничтожают.

Слова эти докатились до передовых траншей, до пустырей между позициями, где в этот момент затанцевала наша пехота.

Неизвестный нам пленник перед смертью напаривал на камне эти гордые слова любимого писателя.

Мы стояли над этим камнем. И там глубже, чем когда бы то ни было, мы поняли, что значил и значит в нашей жизни Горький. И мы тепло ощутили его присутствие в нашем окопе.

С. КРУШИНСКИЙ.

редовая интеллигенция. Лучшие писатели мира видели в нём своего вождя. Ни один русский писатель не владел так умами, как Горький. И вся ненависть старого мира обрушилась на Горького, как на одного из самых опасных врагов фашизма.

Незадолго перед своей смертью Горький написал в «Комсомольской правде» (23 сентября 1935 года) статью «Пролетарская ненависть». Это послание завещания Горького советской молодежи. Это вдохновенный урок ненависти к врагу. Горький предостерегает разбойничий набег фашистов на Советскую страну. Воинственные «языки гитлеровских лидеров» ни в малейшей мере не внушают Горькому страха перед их силой. Он знает их пену. Он говорит: «Фашизм прежде всего — ничем не прикрытое, личное истребление революционного, по безоружного пролетариата одиночества, но вооружёнными хозяевами капиталистами. Затем фашизм — отрицание культуры, проповедь войны, крик обесценившегося о желании быть сильным».

Ненависть должна вооружиться советская молодежь для отпора врагам человечества.

«Имеет ли мы право ненавидеть этих одиночаний, нечеловеческих тегенаторов — выроек человечества, эту безответственную международную пайку явных преступников, которые намерены погрузить нашу страну в хаос и на государство строящего социализма?»

Полный, несконченный революционер Советских Социалистических Республик не может не носить в себе сознательной, активной, героической ненависти к подлому врагу своему. Наме право на ненависть к нему достаточно хорошо обосновано и оправдано.

Так учил ненависти советскую молодежь великий русский писатель. Он знал, что ненависть к врагу, охватившая миллионы, охватившая весь советский народ, будет великой силой, непреодолимой для врага. Горький с глубокой любовью писал о Красной Армии. Он готовился занять своё место в её рядах, когда Родина призывает всех граждан к оружию. Он и пал на посту своём, как боец Красной Армии. Враги убили его как человека, который своим словом вёл на бой за Родину народные массы.

Горького нет с нами, но живёт его слово, живёт его образ, и в слове Горького есть великая сила для наших дней, а образ его полностью входит в героическую Отечественную войну.

Немев-захватчиков истребляют советские патриоты, которые воспитаны на произведениях Горького, у него учились ненависти к врагу, любви к народу. Слова Горького прозвучали всему миру в праздник Верховного Главнокомандующего Красной Армии 23 февраля 1942 года. Товарищ Сталин сказал: «Вспомните слова великого русского писателя Максима Горького: «если враг не сдается, — его уничтожают»...»

Так было по Сталину: те, кто отказался сложить оружие, были уничтожены Красной Армией, или они из-за врагов не ушли от заслуженного возмездия. Так будет и на всей советской земле.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ.

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

28-марта 1943 г. 3 стр.

УЧИТЕЛЬ НЕНАВИСТИ

Алексей Максимович Горькому исполнилось бы сегодня 75 лет. Он мог жить с нами. Мы могли бы видеть среди нас его высокую сутловатую фигуру. Он смотрел бы своими умными, пронзительными глазами из-под густых, суровых, лавирующих бровей, и времямат светилась бы в его глазах жёлтая, колючая, злая ненависть к врагу, ненависть огромной горьковской силы, а временами думались бы эти глаза нежной любовной улыбкой, — удивительно улыбался Алексей Максимович всему тому хорошему, что создавалось в нашей стране, и с какой большой отеческой нежностью говорил он о советских детях, о выдающихся мастерах социалистического труда, о замечательных советских строителях, о людях науки и искусства...

Человечество знало, когда впервые предстал перед ним в России молодой человек в козачьей рабочей, с лицом мастерового, с глазами борца и мыслителя, и бросил миру пламенные слова ненависти к двуличному зверю и любви к свободному человеку. Неслыханная сила была в его словах и покоряющая нравственная красота.

Старый мир ответил ему бранью и преследованиями. Трудовой народ узнал в нём родного своего сына, поддержал, приласкал. Новый богатырь народился в русской литературе.

Среди многочисленных портретов Горького есть фотографические снимки, на которых он изображен вместе с Л. Н. Толстым и Чеховым. Они одно время сблизились, подружались, проводили вместе лето в Крыму. Их глянуло друг к другу, хотя они были совсем разные. Они знали, что они трою — великие богатыри русской литературы, что каждый из них по-своему выполнял большую задачу, служил своему народу и человечеству.

В их лице были три поколения русской интеллигенции, но между ними была глубокая разница не только по возрасту.

Всех троих объединяло могучее русское слово, они были его творцами. Чехов и Горький в этом отношении представлялись портретами, считали его своим отцом, учителем. Они видели в Толстом гордого

русской литературы, национальное достояние русского народа. А Толстой смотрел на них как на сыновей своих, как на наследников великого богатства.

Как бытовые богатыри, они трое стояли на разную, и пути их шли в разные стороны. Они искали правду жизни. Все их творчество было этому посвящено. Они хотели счастья народу. Они ясно видели звериное в обществе и бичевали это звериное в своих произведениях. Но Толстой избрал путь проповеди любви, примирения, противопоставил зло насилию, гуманистическое пасивности. Чехов верел в специальную силу разума, культуры, он верил в то, что через приста дет жизнь будет прекрасна, небо будет в алмазах, люди будут культурны, велики, гуманны.

Горький избрал путь ненависти и борьбы. С детства лет он выпит в себя горечь старого звериного быта, поэтому и назвал себя Горьким, когда вышел к людям со своим словом. На всю жизнь возненавидел он звериное в обществе — порабощение человека человеком, угнетение сильными слабых, мучительство, надругательство. Он сам через всё это прошёл, всё изведал.

Он встретил на своём пути большевиков, с ними связал всю свою жизнь, с ними всё прошёл до конца. Ненависть к двуличному зверю напечены все его произведения, начиная от ранних его памфлетов-сказок, где обличаются хищники, до больших романов и пьес, где собрана изумительная по разнообразию коллекция пегодоев, мерзавцев, эксплуататоров, предателей, убийц. Горький ненавидит их, но, пожалуй, ещё больше ненавидит тех, кто отстоит примирительную к хищникам и зверям, кто обнаруживает слабость и слепоту под видом живого, фальшивого «гуманизма». Никто в русской литературе не раскрыл с такой убедительностью природы старого интеллигентского двоедушия, как Горький в «Камне Самгине».

Горький учил ненависти к людям-хищникам, людям-паразитам, людям-предателям, — ненависти во имя любви к человеку-труженику, человеку-творцу, человеку-строителю культуры. В революционной